

УДК 373.167.1:821

ББК 84.98я71

Л64

Автор-составитель *Л.А. Ефросинина*

Литературное чтение : 4 класс : учебная хрестоматия
Л64 для учащихся общеобразовательных организаций : в 2 ч.
Ч. 2 / [авт.-сост. Л.А. Ефросинина]. — 6-е изд., стереотип. —
М. : Вентана-Граф, 2020. — 224 с. : ил. — (Российский
учебник).

ISBN 978-5-360-11532-8 (ч. 2)

ISBN 978-5-360-11531-1 (общ.)

Во вторую часть хрестоматии вошли произведения русских и зарубежных писателей-классиков XIX и XX веков. Подбор произведений и их содержание позволят обогатить читательский опыт детей, расширить их круг чтения по изучаемым разделам учебника, а самостоятельное выполнение в тетрадях заданий к каждому произведению поможет сформировать умение работать с текстом произведения.

Учебно-методический комплект (учебник, учебная хрестоматия, рабочая тетрадь) позволяет вести дифференцированную работу с учащимися, учитывая их индивидуальные возможности.

Звёздочкой (*) отмечены задания, выполняемые учениками по желанию.

УДК 373.167.1:821

ББК 84.98я71

Условные обозначения

Обратите внимание. Это важно знать

Ответьте на вопросы, выполните задания

*

Задание по желанию

Подсказка

Словарь

Справка

© Ефросинина Л.А., 2009

© Издательский центр «Вентана-Граф», 2009

© Ефросинина Л.А., 2013, с изменениями

© Издательский центр «Вентана-Граф», 2013,
с изменениями

ISBN 978-5-360-11532-8 (ч. 2)

ISBN 978-5-360-11531-1 (общ.)

Произведения писателей первой половины XX века

Марк Твен

Приключения

Гекльберри Финна

Отдельные главы в сокращении.

Перевод с английского Н.Л. Дарузес

Глава I

Вы про меня ничего не знаете, если не читали книжки под названием «Приключения Тома Сойера», но это не беда. Эту книжку написал мистер Марк Твен и, в общем, не очень наврал. Кое-что он присочинил, но, в общем, не так уж наврал. Это ничего, я ещё не видел таких людей, чтобы совсем не врали, кроме тёти Полли и вдовы, да разве ещё Мэри. Про тётю Полли — это Тому Сойеру она тётя, — про Мэри и про вдову Дуглас рассказывается в этой самой книжке, и там почти всё правда, только кое-где приврано, — я уже про это говорил.

А кончается книжка вот чем: мы с Томом нашли деньги, зарытые грабителями в пещере, и разбогатели. Мы получили по шесть тысяч долларов на брата — и всё золотом. Такая была куча деньжищ — смотреть страшно! Ну, судья Тэчер всё это взял и положил в банк, и каждый божий день мы стали получать по доллару прибыли, так круглый год, — не знаю, кто может такую уйму истратить. Вдова Дуглас усыновила меня и пообещала, что будет меня воспитывать; только мне у неё в доме жилось неважно; уж очень она донимала всякими порядками и приличиями, просто невозможно было терпеть. В конце концов я взял да и удрал, надел опять свои старые лохмотья, залез опять в ту же бочку из-под сахара и сижу, радуюсь вольному житью. Однако Том Сойер меня отыскал и рассказал, что набирает шайку разбойников. Примет и меня тоже, если я вернусь к вдове и буду вести себя хорошо. Ну, я и вернулся.

Вдова поплакала надо мной, обозвала меня бедной заблудшей овечкой и всякими другими словами; но, разумеется, ничего обидного у неё на уме не было. Опять она одела меня во всё новое, так что я только и знал, что потел, и целый день ходил как связанный. И опять всё пошло по-старому. К ужину вдова звонила в колокол, и тут уж никак нельзя было опаздывать — непременно приходи вовремя. А сядешь за стол, никак нельзя сразу приниматься за еду: надо подождать, пока вдова не нагнёт голову и не по-

ворчит немножко над едой, хотя еда была, в общем, неплохая; одно только плохо — что каждая вещь сварена сама по себе. (То ли дело куча всяких огрызков и объедков в по-мойном ведре! Бывало, перемешаешь их хорошенько — они пропитаются соком и про-скакивают не в пример легче.)

Её сестра, мисс Уотсон, старая дева в оч-ках, как раз в это время переехала к ней на житьё и сразу же пристала ко мне с букварём. Целый час она ко мне придира-лась, но в конце концов вдова велела ей ос-тавить меня в покое. Да я бы дольше и не вытерпел. Потом целый час была скучища смертная, и я всё вертелся на стуле. А мисс Уотсон всё приставала: «Не клади ноги на стол, Гекльберри»; «Не скрипи так, Гекльбер-ри, сиди смирно»; «Не зевай и не потягивай-ся, Гекльберри, веди себя как следует!».

Мисс Уотсон всё ко мне придиралась, так что в конце концов мне надоело и сделалось очень скучно. Скоро в комнаты позвали нег-ров и стали молиться, а потом все легли спать. Я поднялся к себе наверх с огарком свечки, поставил его на стол, сел перед ок-ном и попробовал думать о чём-нибудь весё-лом, — только ничего не вышло: такая на-пала тоска, хоть помирай. Светили звёзды, и листья в лесу шелестели так печально; где-то далеко ухал филин — значит, кто-то помер; слышно было, как кричит козодой и воет собака — значит, кто-то скоро помрёт. А ветер всё нашёптывал что-то, и я никак не мог понять, о чём он шепчет, и от этого

по спине у меня бегали мурашки. Потом в лесу кто-то застонал, вроде того как стонет привидение, когда оно хочет рассказать, что у него на душе, и не может добиться, чтобы его поняли; и ему не лежитя спокойно в могиле, вот оно скитается по ночам и тоскует. Мне стало так страшно и тоскливо, так захотелось, чтобы кто-нибудь был со мной... А тут ещё паук спустился ко мне на плечо. Я его сбил щелчком прямо на свечку и не успел опомниться, как он весь съёжился. Я и сам знал, что это не к добру, хуже не бывает приметы, и здорово перепугался, просто душа в пятки ушла. Я вскочил, повернулся три раза на каблуках и каждый раз при этом крестился, потом взял ниточку, перевязал себе клок волос, чтобы отвадить ведьм, — и всё-таки не успокоился: это помогает, когда найдёшь подкову и, вместо того чтобы прибить над дверью, потеряешь её; только я не слышал, чтоб таким способом можно было избавиться от беды, когда убьёшь паука.

Меня бросило в дрожь.

...Прошло довольно много времени; я услышал, как далеко в городе начали бить часы: «бум! бум!» — пробило двенадцать, а после опять стало тихо, тише прежнего. Скоро я услышал, как в темноте под деревьями хрустнула ветка, — что-то там двигалось. Я сидел не шевелясь и прислушивался. И вдруг кто-то мяукнул еле слышно: «Мя-у! Мя-у!» Вот здорово! Я тоже мяукнул как можно тише: «Мяу! Мяу!», — а потом погасил свечку

и вылез через окно на крышу сарая. Оттуда я соскользнул на землю и прокрался под деревья. Гляжу — так и есть: Том Соьер меня дожидается.

Глава II

Мы пошли на цыпочках по дорожке между деревьями в самый конец сада, нагибаясь пониже, чтобы ветки не задевали по голове. Проходя мимо кухни, я споткнулся о корень и наделал шуму. Мы присели на корточки и затихли. Большой негр мисс Уотсон — его звали Джим — сидел на пороге кухни; мы очень хорошо его видели, потому что у него за спиной стояла свечка. Он вскочил и около минуты прислушивался, вытянув шею; потом говорит:

— Кто там?

Он ещё послушал, потом подошёл на цыпочках и остановился как раз между нами: можно было до него дотронуться пальцем. Ну, должно быть, времени прошло порядочно, и ничего не было слышно, а мы все были так близко друг от друга. И вдруг у меня зачесалось одно место на лодыжке, а почесать его я боялся; потом зачесалось ухо, потом спина, как раз между лопатками. Думаю, если не почешусь — сейчас помру. Я это сколько раз потом замечал: если ты где-нибудь в гостях, или на похоронах, или хочешь заснуть и никак не можешь — вообще когда никак нельзя почесаться, непременно зачесется во всех местах сразу.

Тут Джим и говорит:

— Эй, кто это? Где же вы? Ведь я всё слышал, лопни мои глаза! Ладно, я знаю, что мне делать: сяду и буду сидеть, пока опять что-нибудь не услышу.

И он уселся на землю, как раз между мной и Томом, прислонился спиной к дереву и вытянул ноги так, что одной ногой чуть не задел мою. Тут у меня зачесался нос. Так зачесался, что слёзы выступили на глазах, а почесать я боялся. Потом начало чесаться в носу. Потом зачесалось под носом. Я просто не знал, как усидеть на месте. Такая напасть продолжалась минут шесть или семь, а мне показалось, что много дольше. Теперь у меня чесалось в одиннадцати местах разом. Я решил, что больше минуты ни почём не вытерплю, но кое-как сдержался: думаю — уж постараюсь. И тут как раз Джим начал громко дышать, потом захрапел, и у меня сразу всё прошло.

Том подал мне знак — еле слышно причмокнул губами, — и мы на четвереньках поползли прочь. Как только мы отползли шагов на десять, Том шепнул мне, что хочет для смеха привязать Джима к дереву. А я говорю: «Лучше не надо. Он проснётся и поднимет шум, и тогда увидят, что меня нет на месте». Том сказал, что у него мало вато свечей, надо бы пробраться в кухню и взять побольше. Я его останавливал, говорил, что Джим может проснуться и войти в кухню. Но Тому хотелось рискнуть; мы забрались туда, взяли три свечи, и Том оста-

вил на столе пять центов в уплату. Потом мы с ним вышли; мне не терпелось поскорее убраться подальше, а Тому вздумалось подползти на четвереньках к Джиму и сыграть с ним какую-нибудь шутку. Я его дожидался, и мне показалось, что ждать пришлось очень долго — так было кругом пусто и тихо.

Как только Том вернулся, мы с ним побежали по дорожке кругом сада и очень скоро очутились на самой верхушке горы по ту сторону дома. Том сказал, что снял шляпу с Джима и повесил её на сучок как раз над его головой, а Джим немножко зашевелился, но так и не проснулся. На другой день Джим рассказывал, будто ведьмы околдовали его, усыпили и катались на нём по всему штату, а потом опять посадили под дерево и повесили его шляпу на сучок, чтобы сразу видно было, чьё это дело. А во второй раз Джим рассказывал, будто они доехали на нём до Нового Орлеана; потом у него с каждым разом получалось всё дальше и дальше, так что в конце концов он стал говорить, будто ведьмы объехали на нём вокруг света, замучили его чуть не до смерти, и спина у него была вся стёрта, как под седлом. Джим так загордился после этого, что на других негров и смотреть не хотел. Негры приходили за много миль послушать, как Джим будет про это рассказывать, и он стал пользоваться таким уважением, как ни один негр в наших местах. Повстречав Джима, чужие негры останавливались, разинув рты, и глядели на него, словно на какое-нибудь чудо. Как стемнеет,

негры всегда собираются на кухне у огня и разговаривают про ведьм; но как только кто-нибудь заведёт об этом речь, Джим сейчас же вмешается и скажет: «Гм! Ну, что ты можешь знать про ведьм!»

И тот негр сразу притихнет и замолчит. Пятицентовую монету Джим надел на верёвочку и всегда носил на шее; он рассказывал, будто этот талисман ему подарил сам чёрт и сказал, что им можно лечить от всех болезней и вызывать ведьм когда вздумается, стоит только пошептать над монеткой; но Джим никогда не рассказывал, что он такое шепчет. Негры собирались со всей округи и отдавали Джиму всё, сколько у них было, лишь бы взглянуть на эту монетку; однако они ни за что на свете не дотронулись бы до неё, потому что монета побывала в руках у чёрта. Джим стал теперь никуда не годный работник — уж очень возгордился, что видел чёрта и возил на себе ведьм по всему свету.

Ну так вот, когда мы с Томом подошли к обрыву и поглядели вниз, на городок, там светилось всего три или четыре огонька — верно, в тех домах, где лежали больные; вверху над нами ярко сияли звёзды, а ниже города текла река в целую милю шириной, очень величественно и плавно. Мы спустились с горы, разыскали Джо Гарпера с Беном Роджерсом и ещё двух или трёх мальчиков — они прятались на старой кожевне. Мы отвязали лодку и спустились по реке мили на две с половиной, до большого оползня на гористой стороне, и там высадились на берег.

Когда мы подошли к кустам, Том Соьер заставил всех нас поклясться, что мы не выдадим тайны, а потом показал ход в пещеру — там, где кусты росли гуще всего. Потом мы зажгли свечки и поползли на четвереньках в проход. Проползли мы, должно быть, шагов двести, и тут открылась пещера. Том поискал по проходам и скоро нырнул под стенку в одном месте — вы бы никогда не заметили, что там есть ход. По этому узкому ходу мы пролезли вроде как в комнату, очень сырую, всю запотевшую и холодную, и тут остановились.

Том сказал:

— Ну вот, мы соберём шайку разбойников и назовём её «Шайка Тома Соьера». Кто захочет с нами разбойничать, тот должен будет принести клятву и подписаться своей кровью.

Все согласились. И вот Том достал листок бумаги, где у него была написана клятва, и прочёл её. <...>

Все сказали, что клятва замечательная, и спросили Тома, сам он её придумал или нет. Оказалось, кое-что он придумал сам, а остальное взял из книжек про разбойников и пиратов — у всякой порядочной шайки бывает такая клятва.

<...>

— Ну что ж, она годится. Теперь всё в порядке. Гека принять можно.

Тут все стали колоть себе пальцы булавкой и расписываться кровью, и я тоже поставил на бумаге свой значок.

<...>

Глава IV

Ну так вот, прошло месяца три или четыре, и зима уж давно наступила. Я почти что каждый день ходил в школу, научился складывать слова, читать и писать немножко и выучил таблицу умножения наизусть до шестью семь — тридцать пять, а дальше, я так думаю, мне нипочём не одолеть, хоть до ста лет учись. Да и вообще я математику не очень люблю.

Сперва я эту самую школу терпеть не мог, а потом ничего, стал привыкать понемножку. Когда мне, бывало, уж очень надоест, я удеру с уроков, а на следующий день учитель меня выпорет; это шло мне на пользу и здорово подбадривало. Чем дольше я ходил в школу, тем мне становилось легче. И ко всем порядкам у вдовы я тоже мало-помалу привык — как-то притерпелся. Всего тяжелей было приучаться жить в доме и спать на кровати; только до наступления холодов я всё-таки иной раз удирал на волю и спал в лесу, и это было вроде отдыха. Старое житьё мне было больше по вкусу, но и к новому я тоже стал привыкать, оно мне начало даже нравиться. Вдова говорила, что я исправляюсь понемножку и веду себя не так уж плохо. Говорила, что ей за меня краснеть не приходится.

Как-то утром меня угораздило опрокинуть за завтраком солонку. Я поскорей схватил щепотку соли, чтобы перекинуть её через левое плечо и отвести беду, но тут мисс Уот-

сон подоспела некстати и остановила меня. Говорит: «Убери руки, Гекльберри! Вечно ты насоришь кругом!» Вдова за меня заступилась, только поздно, беду всё равно уже нельзя было отвести, это я отлично знал. Я вышел из дому, чувствуя себя очень неважно, и всё ломал голову, где эта беда надо мной стрясётся и какая она будет. В некоторых случаях можно отвести беду, только это был не такой случай, так что я и не пробовал ничего делать, а просто шатался по городу в самом унылом настроении и ждал беды.

Я вышел в сад и перебрался по ступенькам через высокий деревянный забор. На земле было с дюйм только что выпавшего снега, и я увидел на снегу следы: кто-то шёл от каменоломни, потоптался немного около забора, потом пошёл дальше. Странно было, что он не завернул в сад, простояв столько времени у забора. Я не мог понять, в чём дело. Что-то уж очень чудно... Я хотел было пойти по следам, но сперва нагнулся, чтобы разглядеть их. Сначала я ничего особенного не замечал, а потом заметил: на левом каблуке был набит крест из больших гвоздей, чтобы отводить нечистую силу. В одну минуту я кубарем скатился с горы. Время от времени я оглядывался, но никого не было видно.

У Джима, негра мисс Уотсон, был большой волосяной шар величиной с кулак; он его вынул из бычьего сычуга и теперь гадал на нём. Джим говорил, что в шаре будто бы сидит дух и этот дух всё знает. Вот я и

пошёл вечером к Джиму и рассказал ему, что отец опять здесь, я видел его следы на снегу. Мне надо было знать, что он собирается делать и останется здесь или нет. Джим достал шар, что-то пошептал над ним, а потом подбросил и уронил на пол. Шар упал, как камень, и откатился не дальше чем на дюйм. Джим попробовал ещё раз и ещё раз; получалось всё то же самое. Джим стал на колени, приложил ухо к шару и прислушался. Но толку всё равно никакого не было; Джим сказал, что шар не хочет говорить. Бывает иногда, что без денег шар нипочём не станет говорить. У меня нашлась старая фальшивая монета в четверть доллара, которая никуда не годилась, потому что медь просвечивала сквозь серебро; но даже и без этого её нельзя было сбить с рук — такая она сделалась скользкая, точно сальная на ощупь: сразу видать, в чём дело.

Джим сунул монету под шар, лёг и опять прислушался. На этот раз всё оказалось в порядке. Он сказал, что теперь шар мне всю судьбу предскажет, если я захочу. «Валляй», — говорю. Вот шар и стал нашёптывать Джиму, а Джим пересказывал мне. Он сказал:

— Ваш папаша сам ещё не знает, что ему делать. То думает, что уйдёт, а другой раз думает, что останется. Всего лучше ни о чём не беспокоиться, пускай старик сам решит, как ему быть. Около него два ангела. Один весь белый, так и светится, а другой — весь чёрный. Белый его поучит-по-

учит добру, а потом прилетит чёрный и всё дело испортит. Пока ещё нельзя сказать, который одолеет в конце концов. У вас в жизни будет много горя, ну и радости тоже порядочно. Иной раз и биты будете, будете болеть, но всё обойдётся в конце концов. В вашей жизни вам встретятся две женщины. Одна блондинка, а другая брюнетка. Одна богатая, а другая бедная. Вы сперва женитесь на бедной, а потом и на богатой. Держитесь как можно дальше от воды, чтобы чего-нибудь не случилось, потому вам на роду написано, что вы кончите жизнь на виселице.

Когда я вечером зажёл свечку и вошёл к себе в комнату, оказалось, что там сидит мой родитель собственной персоной!

Прочитайте книгу Марка Твена «Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна» (М. : Худ. лит., 1977).

Н.П. Вагнер
Сказка

— Бабушка, что такое сказка? К чему она нужна; ведь это всё неправда, выдумка? Разве были когда-нибудь скатерти-самобранки да ковры-самолёты, волшебники и волшебницы?

Бабушка посмотрела на внучку сквозь свои *окошечки в томпаковой оправе*, в которой каждое стекло было с добрый пятак, по-

смотрела, улыбнулась своей ласковой, доброй улыбкой, поправила чулок и платок, погладила Ваську и сказала:

— Ну, садись, слушай!

И внучка тотчас же уселась на скамеечку у ног бабушки, потому что слушать у ней всегда была охота смертная.

— За горами, за долами, — так начала бабушка, — за морями-окианами, за реками быстрыми, за песками сыпучими, за болотами трясучими, за борами дремучими, в земле Трухтанской, в царстве Мурзаханском жил-поживал царь Альбазар с царицей Няяной и с дочкой Альмарой, ясной душой. В целом свете не было девушки краше Альмары-души. Встанет она — и все травки поднимаются, пойдёт она — все птички летят за ней. За ней солнышко ходит, к ней ветерок ластится, и все люди на неё не налюбуются.

— Ну, Альмара моя милая, — говорит царь Альбазар, — исполнилось тебе шестнадцать лет, совершеннолетие, и надо справлять его, праздновать по всей земле.

И послал царь *герольдов* и вестников в царства дальние и ближние, всех звать, приглашать, чтобы все ехали справлять весёлый пир, на всю землю Мурзаханскую.

И потянулись, поехали из ближних и дальних стран цари и царицы, царевичи и царевны, короли и королевы, принцы и принцессы, рыцари храбрые и витязи удалые. Все едут, спешат, скачут, летят, на конях и верблюдах, на оленях и страусах, на орлах и лебедях, пыль столбом, дым коромыслом.